

А. И. Деникин

Очерки Русской смуты

Том 1. Выпуск 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А. И. Деникин**
Очерки Русской смуты: Том 1. Выпуск 1 / А. И. Деникин – М.: Книга по Тре-
бованию, 2024. – 206 с.

ISBN 978-5-517-99866-8

ISBN 978-5-517-99866-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Въ кровавомъ туманѣ русской смуты гибнутъ люди и стираются реальныя грани историческихъ событій.

Поэтому, не взирая на трудность и неполноту работы въ бѣженской обстановкѣ — безъ архивовъ, безъ матеріаловъ и безъ возможности обмѣна живымъ словомъ съ участниками событій, я рѣшилъ издать свои очерки.

Въ первой книгѣ говорится главнымъ образомъ о *русской арміи*, съ которой неразрывно связана моя жизнь. Вопросы политическіе, социальныя, экономическіе затронуты лишь въ той мѣрѣ, въ какой необходимо очертить ихъ вліяніе на ходъ борьбы.

Армія въ 1917 году сыграла рѣшающую роль въ судьбахъ Россіи. Ея участіе въ ходѣ революціи, ея жизнь, растлѣніе и гибель — должны послужить большимъ и предостерегающимъ урокомъ для новыхъ строителей русской жизни.

И не только въ борьбѣ съ нынѣшними порабителами страны. Послѣ сверженія большевизма, наряду съ огромной работой въ области возрожденія моральныхъ и матеріальныхъ силъ русскаго народа, передъ послѣднимъ съ небывалой еще въ отечественной исторіи остротой встанетъ вопросъ о сохраненіи его державнаго бытія.

Ибо за рубежами русской земли стучать уже заступами могильщики и скалять зубы шакалы, въ ожиданіи ея кончины.

Не дождутся. Изъ крови, грязи, нищеты духовной и физической встанетъ русскій народъ въ силѣ и въ разумѣ.

А. Деникинъ.

Брюссель.
1921 г.

ГЛАВА I.

Устои старой власти: вѣра, царь и отечество.

Неизбѣжный историческій процессъ, завершившійся февральской революціей, привелъ къ крушенію русской государственности. Но, если философы, историки, социологи, изучая теченіе русской жизни, могли предвидѣть грядущія потрясенія, никто не ожидалъ, что народная стихія съ такой легкостью и быстротой смететъ всѣ тѣ устои, на которыхъ покоилась жизнь : верховную власть и правящіе классы — безъ всякой борьбы ушедшіе въ сторону; интеллигенцію — одаренную, но слабую, беспочвенную, безвольную, вначалѣ среди беспощадной борьбы сопротивлявшуюся одними словами, потомъ покорно подставившую шею подъ ножъ побѣдителей; наконецъ — сильную, съ огромнымъ историческимъ прошлымъ, десяти миллионную армію, развалившуюся въ теченіе 3—4 мѣсяцевъ.

Послѣднее явленіе, впрочемъ, не было столь неожиданнымъ, имѣя страшнымъ и предостерегающимъ прообразомъ эпилогъ манчжурской войны и послѣдующія событія въ Москвѣ, Кронштадтѣ и Севастополѣ... Проживъ недѣли двѣ въ Харбинѣ въ концѣ ноября 1905 года и проѣхавъ по сибирскому пути въ теченіе 31 дня (декабрь 1907 года) черезъ цѣлый рядъ « республикъ » отъ Харбина до Петрограда, я составилъ себѣ ясное понятіе о томъ, что можно ожидать отъ разнузданной, лишенной сдерживающихъ началъ солдатской черни. И всѣ тогдашніе митинги, резолюціи, совѣты и, вообще, всѣ проявленія военного бунта — съ большей силой, въ несравненно болѣе широкомъ масштабѣ, но съ фотографической точностью повторились въ 1917 году.

Слѣдуетъ отмѣтить, что возможность столь быстрого психологическаго перерожденія отнюдь не была присуща одной русской арміи. Несомнѣнно, усталость отъ 3-лѣтней войны сыграла во всѣхъ этихъ явленіяхъ не послѣднюю роль, въ той или другой степени коснувшись всѣхъ армій міра и сдѣлавъ ихъ болѣе воспримчивыми къ разлагающимъ вліяніямъ крайнихъ социалистическихъ ученій. Осенью 1918 года германскіе корпуса, оккупировавшіе Донъ и Малороссію, разложились въ одну недѣлю, повторивъ до извѣстной степени пройденную нами исторію митинговъ, совѣтовъ, комитетовъ, сверженія

офицерского состава, а въ нѣкоторыхъ частяхъ — распродажи военного имущества, лошадей и оружія... Только тогда нѣмцы поняли трагедію русскаго офицерства. И нашимъ добровольцамъ приходилось видѣть не разъ униженіе и горькія слезы нѣмецкихъ офицеровъ — нѣкогда надменныхъ и безстрастныхъ.

— Вѣдь съ нами, съ русскими, это-же самое сдѣлали вы — собственными руками...

— Нѣтъ, не мы — наше правительство — отвѣчали они.

Зимой 1918 года я, какъ командующій Добровольческой арміей, получилъ предложеніе отъ группы германскихъ офицеровъ, желавшихъ поступить въ нашу армію рядовыми добровольцами...

Нельзя также объяснить развалъ психологіей неудачъ и пораженій. Броженіе армій испытали и побѣдители: во французскихъ войскахъ, оккупировавшихъ въ началѣ 1918 года Румынію и Одесскій районъ, во французскомъ флотѣ, плававшемъ въ Черномъ морѣ, въ англійскихъ войскахъ, прибывшихъ въ районъ Константинополя и въ Закавказье, и даже въ могучемъ англійскомъ флотѣ въ дни его наивысшаго нравственнаго удовлетворенія побѣдой, въ дни плѣненія германскаго флота — было не совсемъ благополучно. Войска начали выходить изъ повиновенія начальникамъ, и только быстрая демобилизація и пополненіе свѣжими, отчасти добровольческими элементами, измѣнили положеніе.

Каково было состояніе русской арміи къ началу революціи?

Исполонъ вѣка вся военная идеологія наша заключалась въ извѣстной формулѣ:

— *За вѣру, царя и отечество.*

На ней выросли, воспитались и воспитывали другихъ десятки поколѣній. Но въ народную массу, въ солдатскую толщу эти понятія достаточно глубоко не проникали.

Религіозность русскаго народа, установившаяся за нѣмъ вѣками, къ началу 20 столѣтія нѣсколько пошатнулась. Какъ народъ-богоносецъ, народъ вселенскаго душевнаго склада, великій въ своей простотѣ, правдѣ, смиреніи, всепрощеніи — народъ поистинѣ *христіанскій* терялъ постепенно свой обликъ, подпадая подъ власть утробныхъ, матеріальныхъ интересовъ, въ которыхъ самъ ли научался, его ли научали видѣть единственную цѣль и смыслъ жизни... Какъ постепенно терялась связь между народомъ и его духовными руководителями, въ свою очередь оторвавшимися отъ него и поступившими на службу къ правительственной власти, раздѣляя отчасти ея недуги... Весь этотъ процессъ духовнаго перерожденія русскаго народа слишкомъ глубокъ и значителенъ, чтобы его можно было охватить въ рамкахъ этихъ очерковъ. Я исхожу лишь изъ того несомнѣннаго факта, что поступавшая въ военные ряды моло-

Старое знамя.

Новое знамя.

Раздача наградъ вел. кн. Николаемъ Михайловичемъ.

дежь къ вопросамъ вѣры и церкви относилась довольно равнодушно. Казарма-же, отрывая людей отъ привычныхъ условий быта, отъ болѣе уравновѣшенной и устойчивой среды съ ея вѣрою и суевѣрїями, не давала взамѣнъ духовно-правственного воспитанія. Въ ней этотъ вопросъ занималъ совершенно второстепенное мѣсто, заслоняясь всецѣло заботами и требованїями чисто матеріальнаго, прикладнаго порядка. Казарменный режимъ, гдѣ все — и христіанская мораль, и религіозныя бесѣды, и исполненіе обрядовъ — имѣло характеръ officialный, обязательный, часто принудительный, не могъ создать надлежащаго настроенія. Командовавшіе частями знаютъ, какъ трудно бывало разрѣшеніе вопроса даже объ исправномъ посѣщеніи церкви.

Война ввела въ духовную жизнь воиновъ два новыхъ элемента: съ одной стороны моральное огрубѣніе и ожесточеніе, съ другой — какъ будто нѣсколько углубленное чувство вѣры, навѣянное постоянной смертельной опасностью. Оба эти антипода какъ то уживались другъ съ другомъ, ибо оба исходили изъ чисто матеріальныхъ предпосылокъ.

Я не хочу обвинять огульно православное военное духовенство. Много представителей его проявили подвиги высокой доблести, мужества и самоотверженія. Но надо признать, что духовенству не удалось вызвать религіознаго подъема среди войскъ. Въ этомъ, конечно, оно нисколько не виновато, ибо въ міровой войнѣ, въ которую была вовлечена Россія, играли роль чрезвычайно сложныя политическія и экономическія причины, и не было вовсе мѣста для религіознаго экстаза. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, духовенству не удалось создать и болѣе прочную связь съ войсками. Если офицерскій корпусъ все же долгое время боролся за свою командную власть и военный авторитетъ, то голосъ пастырей съ первыхъ же дней революціи замолкъ, и всякое участіе ихъ въ жизни войскъ прекратилось ¹⁾.

Мнѣ невольно приходится на память одинъ эпизодъ, весьма характерный для тогдашняго настроенія военной среды. Одинъ изъ полковъ 4-ой стрѣлковой дивизіи искусно, любовно, съ большимъ стараніемъ построилъ возлѣ позиціи походную церковь. Первые недѣли революціи... Демагогъ поручикъ рѣшилъ, что его рота размѣщена скверно, а храмъ — это предразсудокъ. Поставилъ самовольно въ немъ роту, а въ алтарѣ вырылъ ровикъ для...

Я не удивляюсь, что въ полку нашелся негодяй-офицеръ, что начальство было терроризовано и молчало. Но почему 2—3 тысячи русскихъ православныхъ людей, воспитанныхъ

¹⁾ Съѣзды духовенства въ Ставкѣ и въ штабахъ армій не имѣли никакого реальнаго значенія.

въ мистическихъ формахъ культа, равнодушно отнеслись къ такому оскверненію и поруганію святыни?

Какъ бы то ни было, въ числѣ моральныхъ элементовъ, поддерживающихъ духъ русскихъ войскъ, вѣра не стала началомъ, побуждающимъ ихъ на подвигъ или сдерживающимъ отъ развитія въ послѣдствіи звѣриныхъ инстинктовъ.

Въ обще-россійскомъ масштабѣ православное духовенство также осталось за бортомъ разбушевавшейся жизни, раздѣливъ участь съ тѣми социальными классами, къ которымъ примыкало: высшее — причастное, къ сожалѣнію, нѣкоторыми именами (митрополиты Питиримъ и Макарій, архіепископъ Варнава и др.) къ распутинскому періоду петроградской исторіи — съ правившей бюрократіей; низшее — со средней русской интеллигенціей.

Для успокоенія религіозной совѣсти русскаго народа Святѣйшій Синодъ въ послѣдствіи посланіемъ отъ 9 марта санкціонировалъ совершившійся переворотъ и призвалъ « довѣриться Временному правительству... чтобы трудами и подвигами, молитвою и повиновеніемъ облегчить ему великое дѣло водворенія новыхъ началъ государственной жизни »... Но когда жизнь эта стала принимать до нельзя уродливыя, аморальныя формы, духовенство оказалось совершенно безсильнымъ для борьбы: русская революція въ первой стадіи своей не создала ни одного сколько-нибудь замѣтнаго народно-религіознаго движенія, хотя бы въ такомъ масштабѣ, какъ нѣкогда у лжеучителей Илліодора и Иннокентія, не выдвинула ни одного яркаго имени поборника поруганной правды и христіанской морали. Я не берусь судить о дѣйственномъ началѣ въ русской православной церкви послѣ плѣненія ея большевиками. Жизнь церкви въ совѣтской Россіи покрыта пока непроницаемой для насъ завѣсой. Но процессъ духовнаго возрожденія ширится несомнѣнно, а мученическій подвигъ сотенъ, тысячъ служителей церкви повидимому бороздитъ уснувшую народную совѣсть и входитъ въ сознаніе народное творимой легендой.

* * *

Царь?

Едва ли нужно доказывать, что громадное большинство команднаго состава было совершенно лояльно по отношенію къ идеѣ монархизма, и къ личности государя. Позднѣйшія эволюціи старшихъ военачальниковъ-монархистовъ вызывались чаще карьерными соображеніями, малодушіемъ или желаніемъ, надѣвъ « личину », удержаться у власти для проведенія своихъ плановъ. Рѣже — крушеніемъ идеаловъ, переменной мировоззрѣнія или мотивами государственной цѣлесообразности. Навивно было, напримѣръ, вѣрить заявленіямъ генерала Бруси-